DOI 10.15826/izv2.2017.19.2.036
УДК 94(495) + 321.1

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ И ОБЩЕСТВОМ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Рец. на кн.: *Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole.* — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2013. — xvi + 722 S. (Millennium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. Bd. 44)

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную сторону монографии немецкого специалиста, анализирующего особенности формы и сущностные характеристики отношений между императорской властью и разными социальными и политическими группами в условиях авторитарного политического режима ранней Византии. Указана актуальность избранной исследователем тематики в рамках заявленной проблемы. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся взаимоотношений императорской власти (вынужденной базироваться преимущественно в Константинополе) и групп, интересы которых прежде всего приходилось принимать в расчет. Особое внимание обращено на те тезисы монографии, которые по новому раскрывают религиозно-политические аспекты функционирования ранней Византии как относительно открытой социальной системы, прагматично использовавшей для стабилизации общества инструментарий вертикальной общественной динамики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздняя античность; Византийская империя; политическая система.

Как известно, в античной политической мысли вопросы, касающиеся легитимности власти, не имели четкого оформления — ни на терминологическом, ни на концептуальном уровне [Finley, p. 12–13; Pabst, S. 172; Wardman, p. 225].

Не было и четких правовых параметров, предлагаемых для императорской власти, в том числе и позднеантичной. Поэтому историкам не ясны не только контуры династического фактора в передаче власти периода империи, но даже природа и, соответственно, основания законности того или иного правления [Flaig, 1997, S. 33; Malcolm Errington, p. 13–42].

В статье, вышедшей в 1996 г., Ш. Дифенбах указал на возможное применение к позднеантичной монархии тезиса о целостности отношений римского общества к императорской власти как об *eines Akzeptanzmodells* («модели признания») [Diefenbach]. Тезис этот на материале раннего принципата развил в начале 1990-х гг. Э. Флаиг [Flaig, 1992; ср.: Flaig, 1997]. Однако для нас важнее то, что Дифенбаху в пределах указанной статьи пришлось удовлетвориться лишь отдельными замечаниями о позднеантичной системе восприятия монархии со стороны одной из нескольких «потенциальных социально-политических групп». Что же касается Пфайльшифтера, то он в своей монографии впервые системно и весьма основательно обратился к анализу таких групп.

Монография предваряется рядом замечаний об актуальности темы и основополагающих для нее историографических заделах, — причем особое место здесь уделяется «акцептационной модели» принципата, предложенной Флаигом (S. 1–40). Что касается «групп признания», то тут Пфайльшифтер следует за Флаигом и называет в качестве составляющих опору императорскому правлению «традиционные» страты — «городской плебс, сенаторов, войско» (S. 28). Однако уже здесь он расставляет собственные акценты и постулирует четвертую социально-политическую группу, оказывающуюся значимой для верховной власти, — духовенство (S. 32–38). В это понятие автор книги включает как официальных клириков, так и значительное число разных групп монашества и всякого рода бродячих аскетов, именуемых им «святыми людьми». В связи с этим дополнением к наблюдениям Флаига Пфайльшифтер опять возвращается к теоретическим построениям своего предшественника и допускает, что принцип исследуемой «системы признания» плохо применим к позднеантичной и особенно к ранне-византийской обстановке — хотя бы из-за массы особенностей режима домината (S. 23–24). Ибо, считает исследователь, такие стороны домината как сложнейшая регламентация церемоний или христианская сакрализация государя мешали «подлинной коммуникации между императором и группами признания» и вели к «иммунитету» верховной власти в отношении запросов и ожиданий этих групп.

Автора интересуют в первую очередь отношения императора и столицы («Император в Константинополе: (почти) нерасторжимая связь», S. 41–75). Акцент при этом делается на колоссальном, не имеющем аналогий, значении Константинополя для конкретной структуры и функционирования императорской власти. В довольно коротком историческом очерке исследователь приводит аргументы в пользу того, что уже при юном Аркадии началась фаза в развитии римской монархии, связавшая императора непосредственно со столицей. При этом «обладающее всеми признаками континуитета, почти непрерывное» пребывание императоров в столице Пфайльшифтер рассматривает с массой нюансов.

С одной стороны, например, это представляется средством оградить автократора от влияния армии и ее полководцев («император таким образом уходил от доминирования военщины и особенно — германских военачальников», S. 74) — а со времен Феодосия II он мог себя чувствовать в безопасности под защитой практически неприступных стен. С другой стороны, именно связь императора и столицы обуславливает одну из важнейших сторон формирования специфически позднеантичной «системы признания». Государь и «группы признания» как бы оказываются лицом к лицу, и этим «сцеплением» объясняются многие принципы позднеантичных *arcana imperii* («имперских сокровенностей»)¹.

Когда Пфайльшифтер обращается к проблеме императорской идеологии («Божьей милостью, церемониал двора — и доступность», S. 76–122), то именно здесь бросается в глаза пересмотр «модели признания», предложенной Флаигом (S. 18–24), и приспособление ее к позднеантичным реалиям — приспособление, которое призвано выявить подлинное лицо власти василевса, окутанного наваждением церемониала, отдаленного (протовизантийским ароматом фимиама) от народа (точнее говоря, от «групп признания») и «запертого» во дворце. Иными словами, из аргументации исследователя вытекает, что хотя и нельзя отрицать христианскую сакрализацию государя и воплощение ее в соответствующем церемониале, но масштаб и последствия того и другого историографией явно переоцениваются (S. 86, 120). Распространенному представлению о скованном регламентом церемоний государе (в частности, о Констанции II — на основании известного описания Аммианом вступления императора в Рим) Пфайльшифтер противопоставляет умный и весьма дифференцированный анализ требований со стороны конкретно-исторических сегментов церемониального контекста и довольно жестких требований традиции (например, отраженной в трактате Константина Багрянородного, S. 87–90). Кроме того, также вопреки часто высказываемому мнению, в монографии отмечается демонстративная доступность императора — хотя она и ограничивалась специфичными интерактивными формами и поводами, обусловленными тем же церемониалом (см. хотя бы примеры случаев времен Юстиниана I, S. 92–95, 104–112).

¹ Следует отметить, что Пфайльшифтер близок к тому, чтобы увидеть причину возникновения концепта *arcana imperii* в том, что обществу требовалось осмыслить и оценить неопределенность, возникающую на пути любой империи (Персидской, Македонской или Римской) от любого данного момента до идеальной точки обретения вечности и универсальности, свершения своей миссии и судьбы (как это было с державой Карла Великого или Карла V). Действительно, знание, а точнее провидение такого пути могло быть только сокровенным и тайным, требовало соответствующей концептуализации [ср.: Zecchini]. Добавлю, что в поздней античности и в Средневековье концепт становился все ярче и одновременно трансформировался. В результате многозначность понятия *arcana imperii* (власть вообще, ее источник и носитель, верховная власть, верховенство власти, структура власти, империя и т. п.) способствовала тому, что связанные с ним «сокровенности» («превращенные формы» в терминологии К. Маркса) могли интерпретироваться в широчайшем диапазоне от принадлежности империи до атрибутов всякой повелевающей власти. Отсюда словосочетание *arcana imperii* с полным основанием переводили и как «имперские сокровенности» и как «императивные сокровенности» [ср.: Bretone, Ajello, p. 11–16; Bretone, p. 105; Orestano, 1968, p. 185–202; 1989, p. 40–45].

Особое место в книге занимает подход Пфайльшифтера к династическому принципу, т. е. к исходному правилу, с трудом интегрируемому в «модель признания», предложенную Флаигом. В самом деле, Флаиг не только практически сводит на нет действенность династического мышления во времена принципата, но и проецирует это на более позднюю эпоху. Напротив, Пфайльшифтер видит в идейно-политической мысли поздней античности значимое место и для династического концепта, — правда, не заходя так далеко, чтобы признать наличие в нем принципов устойчивости и автоматизма (раздел «Наследование трона и влияние групп восприятия», S. 123–177). Во всяком случае он признает династические притязания какой-либо возжелавшей трона личности как некий «бонус» в границах «системы признания»². Более того, он тонко анализирует ряд ситуаций, связанных со спорными обстоятельствами наследования трона, а затем, опираясь на достигнутый результат, наряду с обобщающим размышлением над этим феноменом (в частности, над пресловутым феноменом «императоров-подростков», S. 125–137), развивает систему, интерпретирующую династическое наследование IV–VI вв. (итог см.: S. 175–177). При этом ему удастся изящно избежать нестыковок между констатацией династического принципа и податливости «модели признания»: автор заявляет о свободе признания или отвержения династического наследования — как о свободе, присущей и здравствующему императору (при более или менее урегулированном порядке наследования), и самим «группам признания» (хотя у них такой свободы было меньше и проявлялась она только в тех случаях, когда император не мог или не хотел заявить о принципах правления, S. 176–177).

Наибольший интерес для российского византиниста, преданного социальной тематике, имеет анализ Пфайльшифтером отдельных «групп признания» (армии — S. 211–251, народа — S. 294–354, духовенства — S. 355–451, элиты — S. 452–510). Подчас такого рода членение нарушается грубовато (с позиций хронологии) выполненными вставками, посвященными выразительным историческим эпизодам, — для более дотошного анализа соответствующего вопроса (восстание Ника — S. 178–210, свержение Маврикия — S. 252–293, ряд особых и чрезвычайных ситуаций в правление Льва I и Зинона — S. 511–561). Последняя глава посвящена узурпации как таковой и двум узурпаторам, которым в рассматриваемое время улыбнулась удача, — Василиску и Фоке (S. 562–605). Так, например, в восстании Ника он видит (возражая, прежде всего, М. Мейеру и не столь энергично — Д. Гретре) не инсценированный Юстинианом конфликт, но в большей степени — результат неудачно выстроенной коммуникации между императором и важнейшими на тот момент социально-политическими группами («народом»), которые василевс возмутил против себя своими упрямыми действиями.

Работ А. А. Чекаловой о восстаниях в Константинополе V–VI вв. немецкий антиковед не читал, и многофакторность причин мятежа 532 г. выглядит в его

² «Однако он способствовал продолжительному признанию какого-либо правления и потому лишенным действенности назвать его нельзя» (S. 123, Anm. 1).

монографии очень слабой. В свете такой методики неудивительно, что один из результатов ее применения к восстанию Ника — вывод Пфайльшифтера об относительно минимальной значимости «солдат» для «системы признания» императора (этому посвящена специальная глава). Ибо, если сравнивать их положение с положением преторианцев I–II вв., то, по мнению автора, не приходится удивляться отсутствию в Константинополе сильных полевых и гвардейских подразделений. Огромные же по протяженности укрепления столицы в случае опасности по большей части защищались не солдатами, а димами. Получается, что воинский потенциал города представляли лишь экскувиты и схолярии (S. 238–249), чье признание и было необходимо императору. Что касается полевой армии, бывшей опорой всех императоров, начиная с Августа, той самой армии, которая еще в III в. по своему капризу возносила и свержала принцев, то для обретения императорского достоинства ее, по мысли Пфайльшифтера, уже можно было почти не принимать в расчет. «Извне императора нельзя было ни свергнуть, ни изгнать» (S. 223), — во всяком случае, так было, пока стояли стены Феодосия II, а монарх пользовался признанием важнейшей из ранее названных групп, «народа». Этот крайне смелый тезис исследователь подтверждает судьбой Маврикия (S. 252–293), чье падение хотя и началось с мятежа балканской армии, но, в конечном счете, оказалось обусловлено недостаточной поддержкой императора в «народе»³.

Именно этому фактору в своей «модели признания» немецкий ученый и придает изрядный вес. Осознанно противопоставленный элите и определяемый как сумма тех, кто не имел «шанса на аудиенцию при дворе, т. е. на личную встречу с императором» (S. 294–295), «народ» в целом оказывается решающим субъектом в схеме Пфайльшифтера. Однако исследователь показывает и то, сколь мало инициативы исходит из «народа». Во всяком случае «признание» со стороны «народа» исчезает в форме реакции на весьма специфические поводы для недовольства (S. 309). К подобным ситуациям исследователь относит драмы по поводу ортодоксии (как, например, конфликт, связанный с Иоанном Златоустом), реакцию на несправедливость со стороны властей (восстание Ника) или на специфичное нарушение императором общепризнанных ценностей (как это было в случае с крахом Маврикия, чей авторитет у народа рухнул, когда император презрел право церковного убежища). Конечно, наиболее известны такие радикальные действия масс, когда демос, будучи в ярости, отстаивал свой интерес, выступая против власти на ипподроме или прибегая к насилию на улицах городов.

Что же касается предполагаемой значимости духовенства (как «группы признания»), то Пфайльшифтер сам ставит ее под сомнение материалом источников. Разделяя духовных лиц на верхушку (епископы и патриархи), монахов и святых отцов, он отводит им весьма незначительную роль в поддержании

³ «Поддержка со стороны разных социально-политических групп империи стоила многого именно потому, что была разной. И не армия свергла Маврикия, а народ» (S. 292).

монархии. Точно так же нельзя считать «группой признания» и монашество, которое, правда, было на слуху как зачинщик беспорядков, прежде всего, по вопросам веры, и могло играть первую скрипку в публичных скандалах такого рода, по крайней мере, до Халкидонского собора, после которого началось прикрепление их к обителям и включение в церковную иерархию (S. 429–433). Напротив, «святые мужи», считает исследователь, могли стать «решающим камешком на чаше весов», ибо не давали включать себя в церемониалы (S. 438), а своим аскетизмом обретали авторитет у народа, — что, собственно, и было причиной их влияния. Отсюда, по мнению Пфайльшифтера, становится ясно, что разные участники императорского (и шире — общественного) церемониала обладали совершенно разными социальными ожиданиями. При этом многое зависело от того, протекала ли церемония на ипподроме или на улице, шла ли речь о благодарственной процессии или о праздничном вступлении в храм (S. 344–346).

Значение элит как «групп признания» также определяется как ограниченное — при обязательном учете, что значимость таких групп проявлялась в их способности угрожать власти лишением ее своей лояльности. Элиты отличались от других в этом плане, прежде всего, тем, что «время от времени, по крайней мере, вступали с императором в личные контакты» (S. 452). Я не считаю такую дефиницию достаточной, но вижу правоту Пфайльшифтера в его отказе ранневизантийской элите в названной способности на основании серьезной разобщенности ее группировок (S. 461), отношение которых к верховной власти не имело устойчивости и единства. Например, если взять сенаторское сословие, то в поздней античности — при всей несопоставимости с этим сословием группы собственно членов сената — общество не сумело обосновать принципы автономности членов этой страты (S. 456), т. е. тех, кто не зависел бы от благорасположения и произвола монарха. В сенате сидели те, кого туда назначил император.

Подобный феномен не ограничивался сенатом. «Были полководцы, но не существовало офицерского корпуса, были управленцы, но не было какого-то кодекса обязанностей и повиновения чиновничества» (S. 463). Исследователь считает, что именно поэтому в Византии были редкими «настоящие восстания» и организуемые элитой фронды, — благодаря «структурному сверхмогуществу» императора, они имели мало шансов на успех, в отличие от покушений и заговоров, организованных отдельными членами элиты. Но даже если узурпации были относительно редкими и только в исключительных случаях успешными (S. 465–474), это не означало, что представители элит не могли быть опасными для императора. Особенно это касалось крупных военачальников (и, добавлю, не только для правлений Аркадия и Феодосия II, ср.: S. 485–497), независимо от их этнического происхождения (императорам, которых «одолели» их военачальники и двум удачливым узурпаторам Пфайльшифтер посвящает последнюю главу). Угроза монарху, однако, возрастала, по мнению автора, только тогда, когда члены элиты сформировывали собственную «систему признания», подрывая тем самым признание императора со стороны прочих групп и переключая их

внимание на себя (S. 507). Но именно на примере императоров Льва I и Зинона, на какое-то время ограниченных в своих действиях их магистрами войск, исследователю удастся показать, что «выбить из седла» монарха было крайне тяжело и было возможно лишь тогда, когда он сам совершал «серьезные ошибки» (S. 535). Анализ краткого правления Василиска и восьмилетнего царствования Фоки отчасти призван подтвердить такой вывод. Иначе говоря, своим крахом они были обязаны, по мнению Пфайльшифтера, не тем, что стали заложниками обстоятельств приобретения трона, а собственной некомпетенции (S. 604). Полагаю, в данном случае налицо гипертрофия субъективного фактора и минимизация объективных обстоятельств инсurreкций и последующего правления (о чем еще в 70-е гг. XX в. писалось, в частности, в работах, посвященных Фоке, таких западных исследователей, как У. Э. Кэги и А. Н. Стратос, а еще раньше — в статьях П. Жубера).

Таким образом, если суммировать данные монографии о механизме взаимодействия верховной власти и «групп признания» в ранней Византии, нетрудно увидеть систему обоюдных «вызовов» (разного содержания и разной степени интенсивности) и попытки определить характер доверия (прежде всего политического) к императору со стороны разнородных групп населения. (Весьма радует, что организующим для этих групп критерием избран социальный принцип.) Я полагаю, что Пфайльшифтер, сам того не осознавая, следует терминологии и методике Д. Истона, во многом идентифицируя конструкт «признания» с конструктом легитимности, включающей в себя не только правомочность, но и оправданность и диффузную поддержку [Easton].

Практически на каждом примере рефлексии «группы признания» исследователь пытается определить характер восприятия такой группой уровня ответственности появления императора на троне и его действий не только широко понимаемым нормам права, но и доминирующей морали и общепринятым нормам поведения власти. Книга Пфайльшифтера убедительно показывает, что этот аспект «признания» (= доверия) был укоренен в преобладающей культуре ранней Византии в границах позднеантичных ценностей и менялся, как правило, в результате глубоких социальных травм (о которых автор пишет поразительно мало) или длительной постепенной адаптации к изменениям. Однако, эмпирика приводимой исследователем аргументации по поводу конкретных поведенческих казусов отдельных «групп» (а «элиту» и «народ», на мой взгляд, социологически охватить понятием «группа», мягко говоря, затруднительно) показывает: вопрос о связи власти с общественными стратами поздней античности по-прежнему требует длительного изучения. Объемную монографию Пфайльшифтера я оцениваю в этом отношении как одну из серьезных попыток поставить такой вопрос по-новому.

Bretone M., Ajello R. Tecniche e ideologie del giuristi romani. Napoli : Edizioni Scientifiche Italiane, 1971.

Diefenbach S. Frömmigkeit und Kaiserakzeptanz im frühen Byzanz // *Saeculum*. 1996. 47. S. 35–66.

Easton D. A Reassessment of the Concept of Political Support // *British Journal of Political Science*. 1975. № 5. P. 435–457.

Finley M. I. Authority and Legitimacy in the Classical City-State. København : Munksgaard, 1982.

Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt a. M. ; New York : Campus Verl. GmbH, 1992. (Historische Studien ; 7)

Flaig E. Für eine Konzeptualisierung der Usurpation im spätrömischen Reich // Usurpationen in der Spätantike. Akten des Kolloquiums „Staatsstreich und Staatlichkeit“, Solothurn & Bern, 6.–10. März 1996 / Hrsg. F. Paschoud, J. Szidat. Stuttgart : Franz Steiner, 1997. (Historia-Einzelschriften ; 111). S. 15–34.

Malcolm Errington R. Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill : The Univ. of North Carolina Press, 2006.

Orestano R. Il problema delle persone giuridiche in diritto romano. Torino : Giappichelli, 1968. Vol. 1.

Orestano R. Gli Arcana nel mondo romano // Orestano R. Edificazione del giuridico. Bologna : Il mulino, 1989.

Pabst A. Das Imperium Romanum im 4. Jh. im Spiegel der Orationes des Q. Aurelius Symmachus // Quintus Aurelius Symmachus. Reden / Hrgb., übers. und erläutert von A. Pabst. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989. (Texte zur Forschung ; Bd. 53). S. 171–355.

Wardman A. E. Usurpers and Internal Conflicts in the 4th Century A. D. // *Historia*. 1984. 33. 2. P. 220–237.

Zecchini G. Il ruolo dei soldati nella mancata conquista della Germania // "Ορμος — Ricerche di Storia Antica, n. s. 2010. 2. P. 157–163.

Рецензия поступила в редакцию 15.09.2016

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor,
Chair of the History of the Ancient World and
Middle Ages
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: alarich@olympus.ru

RELATIONS BETWEEN THE EMPEROR AND SOCIETY IN EARLY BYZANTIUM

Review of Pfeilschifter, R. (2013). Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole. Millennium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. Vol. 44. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. xvi + 722 p.

This review considers the conceptual and substantial sides of the work by the German scholar, analysing the relations between the imperial power and different social and political groups under the autocratic regime of Early Byzantium from the point of view

of their form and content. The reviewer emphasises the topicality of the subject and the debatable character of the issues concerning the relations between the imperial authorities (forced to be based in Constantinople for the majority of time) and groups whose interests had to be taken into account. Special attention is paid to the ideas in the work in question that put forward a new interpretation of the religious and political aspects of Early Byzantium as a relatively open social system that pragmatically used the methods of vertical social dynamics to stabilise society.

Key words: late antiquity; Byzantine Empire; political system.

Bretone, M. (2004). Diritto e potere nella storia europea; Il diritto invisibile [Law and Power in European History; The Invisible Right]. In M. Bretone, *Diritto e tempo nella tradizione europea* (pp. 99–106). Laterza, Bari: Roma-Laterza. (In Italian)

Bretone, M., & Ajello, R. (1971). *Tecniche e ideologie dei giuristi romani* [Techniques and Ideologies of Roman Lawyers]. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane. (In Italian)

Diefenbach, S. (1996). Frömmigkeit und Kaiserakzeptanz im frühen Byzanz. *Saeculum*, 47, 35–66. (In German)

Easton, D. (1975). A Reassessment of the Concept of Political Support. *British Journal of Political Science*, 5, 435–457.

Finley, M. I. (1982). *Authority and Legitimacy in the Classical City-State*. København: Munksgaard.

Flaig, E. (1992). Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. *Historische Studien*, 7. Frankfurt a. M.; New York: Campus Verlag GmbH. (In German)

Flaig, E. (1997). Für eine Konzeptualisierung der Usurpation im spätrömischen Reich [On the Conceptualisation of Usurpation in the Late Roman Empire]. In F. Paschoud, & J. Szidat (Eds.), *Usurpationen in der Spätantike. Akten des Kolloquiums „Staatsstreich und Staatlichkeit“*, Solothurn & Bern, 6.–10. März 1996. *Historia-Einzelschriften*, 111, 15–34. Stuttgart: Franz Steiner. (In German)

Malcolm Errington, R. M. (2006). *Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

Orestano, R. (1968). *Il problema delle persone giuridiche in diritto romano* [The Problem of Legal Persons in Roman Law] (Vol. 1). Torino: Giappichelli. (In Italian)

Orestano, R. (1989). Gli Arcana nel mondo romano [The Arcana in the Roman World]. In R. Orestano, *Edificazione del giuridico*. Bologna: Il mulino. (In Italian)

Pabst, A. (1989). Das Imperium Romanum im 4. Jh. im Spiegel der Orationes des Q. Aurelius Symmachus. In A. Pabst (Ed.), *Quintus Aurelius Symmachus. Reden. Orationes. Texte zur Forschung*, 53, 171–355. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. (In German)

Wardman, A. E. (1984). Usurpers and Internal Conflicts in the 4th Century A. D. *Historia*, 33, 2, 220–237.

Zecchini, G. (2010). Il ruolo dei soldati nella mancata conquista della Germania [The Role of Soldiers in the Failed Conquest of Germany]. *Όρμος — Ricerche di Storia Antica*, n. s., 2, 157–163. (In Italian)

Received on 15 September, 2016